

Добрыня и Маринка (8)

Да во стольнѣм во городи во Киеви
И да жил-был Микита да сын Романович.
Да было у его чадо любимое —
И мѳлоды Добрынюшка Микитич млад.
Да стал ле Добрыня да лет пятнаццати —
Да он хочот итти гулять в красен Киев-град,
Да он просит у батюшка благословленице:
«Мне сходит[ь] гулять по городу по Киеву,
Посмотреть мне-ка нонь людей добрых,
Показать-де себя — дородня молоцца!»
Да давали ёму отець-мать благословленицѳ,
Да сами ему да наговарывали:
«Уж ты ой еси, дитятко родимое!
Ты пойдѳшь гулять по городу по Киеву —
Не загуливай во улици ты Игнатьѳвы,
Во часты переулки да во Марынкины:
Да та ле Маринка — зла безбожница,
А люта ле Змея да подколодница!»
Да на то-де Добрынюшка не послушалсѳ...
Он пошол гулять по городу по Киеву —
Он зашол-де во уличи Игнатьѳвы,
Во часты переулки да во Марынкины.
Да та ле Маринка — зла безбожница,
И люта ле Змея да подколодница,
Овѳрнула Добрыню да туром гнедыем
Да спустила Добрыню да во чисто полѳ.
Да ходит Добрынюшка во чистом поли,
Да ходит туром Добрыня гнедыем.
Тут хватились Добрыни да отець-матушка:
«Да некуда Добрыни нонь деватисе —
Он ушол, видно, во улици Игнатьѳвы,
Во часты переулки да во Марынкины,
Да к той-де Маринки, злой безбожници,
Да к лютой ле Змеи да подколодници!»
А была у Добрынюшки родима сѳстра,

Именём звали Марфа свет Микитисьня.
Да пошла она во уличи Игнатъёвы,
Во часты переулки да во Маринкины,
Говорила Маринки, злой безбожници,
Да лютой-де Змеи да подколодници:
«Уж ты ой еси, Маринка, зла безбожница,
Да люта ле Змея да подколодница!
Ты отдай мне-ка братилка родимого,
Ище молода Добрыню сына Микитиця!
Да ежеле мне ты да не отдашь его,
Овёрну я тибя сукой да волотяжною,
Я спущу тибя по городу по Киеву —
Да малым ребятам да на поруганьё
И псам ле, кычка́м¹, да на потарзаньё!»
Да тут-де Маринка испугаласе —
Овёрнулась Маринка Змеей лютою,
Полетела Маринка да во чисто полё
Да нашла ле Добрыню да во чистом поли,
Да садиласе Добрыни она на правой рог,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
Да хошь ле на свети ноньце жівой быть —
Отвёрну я тибя — да доброго молоцца;
Да возьмёшь ле ты меня да за себя взамуж?
Да ты станёшь ле меня да ведь бить-мучити?»
Отвечал Добрынюшка Микитич млад:
«Я возьму тибя, Маринка, да за себя взамуж;
Я не стану тибя нонеце бить-мучити,
Только дам поученьё да молодецькоё!»
Да во ту ле ведь пору да и во [то] время
Отвёрнула Маринка да тура гнедого.
Да тут стал ле Добрыня да на резвы ноги,
Да схватил он Маринку да за белы руки,
Да мётал он под вышину небёсную —
Да сам ле ведь ей да не подхватывал.
Да тут-де Маринки злой славы поют,
Да славы-де поют да старину скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 28 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чупова Ивана Егоровича, 72 лет.)

1 Примечание А. Д. Григорьева: «псам», по объяснению певца.

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.